

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800029127-5

К вопросу о текстообразующих признаках когезии и когерентности в “Максимах” Ф. де Ларошфуко

© 2023 г. О. А. Литневская

Соискатель кафедры французского языкознания
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
litnolga@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся анализа “Максим” Ларошфуко как единого текстового пространства, и представлен один из методов анализа сборника. Очевидно, что структура сборника и изолированность отдельных высказываний не позволяют говорить о “Максимах” как о когезном тексте. Тем не менее когерентность текста обуславливается готовностью читателя к нелинейному анализу. В статье показана методика выявления логических и семантических связей между составляющими текст “Максим” изолированными высказываниями, установлены случаи повторяющихся и регулярных взаимодействий семантических полей в формально не связанных между собой максимах, что указывает на наличие в тексте имплицитной образной системы, наличие которой доказывает возможность интерпретации сборника как единого текста, а не совокупности независимых изречений.

Ключевые слова: “Максимы” Ларошфуко, текстообразующие признаки, когерентность, когезия.

Для цитирования: Литневская О.А. К вопросу о текстообразующих признаках когезии и когерентности в “Максимах” Ф. де Ларошфуко // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 93–99. DOI: 10.31857/S160578800029127-5

On Textual Attributes of Cohesion and Coherence in “Maxims” by F. de La Rochefoucauld

© 2023 Olga A. Litnevskaja

Competitor of the Chair of French Linguistics
at the Department of Philology of the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
litnolga@mail.ru

Abstract. The article discusses theoretical issues concerning the analysis of La Rochefoucauld’s “Maxims” as a unified textual space, and presents one of the methods of analysis of the book. Obviously, the structure of the work and the isolation of its individual entries does not allow us to talk about “Maxims” as a cohesive text. Nevertheless, its coherence is contingent upon the reader’s willingness for nonlinear analysis. This article shows the method of identifying logical and semantic connections between isolated entries that constitute the text of “Maxims”. It demonstrates the cases of repeated and regular interactions of semantic fields in formally unrelated maxims, which indicates the presence of an implicit figurative system in the text, the presence of which proves the possibility of interpreting “Maxims” as a unified text, and not a set of independent statements.

Key words: La Rochefoucauld’s “Maxims”, textual properties, coherence, cohesion.

For citation: Litnevskaja, O.A. *K voprosu o textoobrazuyushchikh priznakakh kogezi i kogerentnosti v “Maksimakh” F. de Laroshfuko* [On Textual Attributes of Cohesion and Coherence in “Maxims”

by F. de La Rochefoucauld]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 93–99. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800029127-5

Материалом для данного исследования послужили “*Réflexions ou sentences et maximes morales*” (“Максимы и моральные размышления”) — сборник из 504 кратких общезначимых изречений-максим авторства герцога Франсуа де Ларошфуко (1613–1680), французского писателя и философа-моралиста XVII века. Его сборник изречений и афоризмов — одно из наиболее известных произведений классической французской литературы: “Это одно из произведений, больше всего способствовавших формированию вкуса нации, его духа точности и ясности... Оно приучило думать и облачать мысли в живую, четкую и деликатную форму”¹ [1, с. 164].

Предоставляя читателю широкий материал для размышлений (об этом см. [2, с. 18–19]), “Максимы”, по мнению Ролана Барта, не предназначены для чтения подряд: при чтении сборника “*par citation*” (по одному высказыванию) читатель может открыть книгу на любой странице, прочитать одно изречение, соотнести его со своим характером и жизненным опытом и вынести из такого осмысления некий урок, тогда как при чтении “*de suite*” (подряд) он будет вынужден иметь дело с новым, не связанным с предыдущим текстом в каждом следующем абзаце, наткнуться на повторы, окажется замкнут в монологе “без начала и конца, без порядка” [3, с. 69]. Отметим, например, как меняется тематика в следующих друг за другом максимах номер 110, 111, 112 (здесь и далее максимы приводятся по порядку):

On ne donne rien si libéralement que ses conseils. (Ничто мы не даем так свободно, как советы.)

Plus on aime une maîtresse, et plus on est près de la haïr. (Чем сильнее мы любим женщину, тем ближе мы к тому, чтобы ее ненавидеть.)

Les défauts de l'esprit augmentent en vieillissant comme ceux du visage. (Недостатки ума, как и недостатки лица, увеличиваются с возрастом.)

Роланд Барт делает выбор между двумя методами чтения в пользу первого. По его мнению, чтение сборника подряд притупляет восприятие. Следуя его примеру, многие критики предпочли заниматься анализом отдельных максим, не пытаясь подняться от отдельных изречений

к анализу всего произведения. Так, например, основной корпус книги Рене Помье “*Etudes sur les Maximes de La Rochefoucauld*” — это анализ 24 наиболее любопытных, по его мнению, максим (21, 25, 26, 28, 89 и т.д.) [4].

Важно понять, возможен ли с лингвистической точки зрения анализ “Максим” как целостного, связного текста, что может дать подобный анализ и на чем он должен быть основан.

Чтобы ответить на этот вопрос, в первую очередь надо определить, являются ли “Максимы” целостным текстом или же мы имеем дело с 504 изолированными друг от друга текстами.

Ответ на вопрос о возможной целостности текста будет отрицательным, если мы встанем на позицию лингвистов, утверждающих, что единственным источником целостности является формальная связность фрагментов текста (*когезия*). Данная точка зрения была впервые высказана в 1976 году в работе “Когезия в английском языке” [5] Майкла Александра Керквуда Халлидея и Рикайи Хасан, которая сыграла основополагающую роль [6] в привлечении внимания научного лингвистического сообщества к связности элементов текста. Когезия в этой работе понимается как совокупность поддающихся описанию лингвистических механизмов, обеспечивающих связь между высказываниями, или такое отношение элементов в тексте, когда один элемент значения предполагает другой элемент, причем интерпретация второго зависит от интерпретации первого [5, с. 27]. Халлидей и Хасан выделяют пять основных механизмов связности фрагментов текста (референция, эллипсис, субституция, лексическая когезия, коннекторы). Авторы также утверждают, что когезия является единственным источником целостности, когерентности (“фактуры”) текста, фактически отождествляя два понятия: “В этой книге мы исследуем ресурсы, которыми английский язык располагает для создания фактуры. Если содержащий более одного предложения отрывок на английском воспринимается как текст, в этом отрывке можно будет выделить определенные лингвистические элементы, способствующие единству текста и придающие тексту фактуру” [5, с. 2–9].

Отдельные идеи Халлидея и Хасан получили признание научного сообщества, однако ряд лингвистов выступил с критикой выдвинутой

¹ Здесь и далее перевод цитат из исследовательской литературы на французском и английском языках и из самих “Максим” наш. — О.Л.

ими теории. Так, Джиллиан Браун и Джордж Юль отмечают: «[Существует] различие между “смысловыми отношениями” между элементами текста и эксплицитным выражением этих “смысловых отношений” в тексте» [7, с. 195].

Другими словами, связи между элементами текста не должны быть эксплицитно выражены, чтобы текст мог считаться когерентным. Вместе с Кристиной Нутталл [8, с. 15–17] Браун и Юль обращаются к диалогу, приведенному в работах Генри Уидовсона [9, с. 29]: “В дверь звонят. / Я в ванной. / Ладно”. Возможность “мысленной обработки” [8, с. 482] этих высказываний в рамках одной коммуникативной ситуации, по их утверждению, доказывает возможность существования когерентности без когезии.

Халлидей и Хасан выдвигают модель анализа текста “снизу-вверх”: от формальных элементов к смыслу, тогда как Нутталл и ряд других лингвистов (например, Каррелл, Румельхарт), напротив, предлагают модель анализа “сверху-вниз”, от концепта к формальному строению. И хотя многие исследователи все еще отмечают важность когезии для текстового анализа, большинство согласны с тем, что когерентность зависит не столько от свойств самого текста (а некоторые лингвисты, как, например, Мишель Шароль и Дьетер Вьевегер, и вовсе не считают когерентность свойством текста), сколько от интерпретатора: именно он делает выводы и устанавливает логические связи между высказываниями, что практически делает когерентность синонимом *интерпретируемости*. Столкнувшись с трудным для понимания текстом, потенциальный реципиент приложит усилия для его интерпретации. Так, Шароль говорит, что реципиент “склонен доверять адресанту, словно полагая, что у того есть собственные, непостижимые причины [выражаться неясно], и постарается понять эти причины, чтобы восстановить логику его высказываний” [10, с. 38]. Безусловно, без контекста сложно установить точность каждой конкретной интерпретации, и в случае с более герметичными текстами интерпретации будут сугубо индивидуальны в том случае, если реципиент вообще оказывается способен дать тексту правдоподобную интерпретацию.

Исследователи также отмечают, что существуют различные *уровни когерентности* (так, Рейнхарт выделяет три уровня когерентности: некогерентные тексты, эксплицитно когерентные и имплицитно когерентные тексты): текст, не поддающийся интерпретации, признается реципиентом некогерентным, но чем более текст доступен

для понимания, тем более когерентным он будет признан.

В конечном итоге, степень когерентности в теоретически интерпретируемом тексте зависит не столько от того, понятен ли текст, сколько от того, какое количество усилий интерпретатор должен приложить, чтобы понять его. Успех интерпретации в таком случае также будет зависеть от того, насколько реципиент мотивирован понять текст и какой глубины понимания он пытается достичь. Более глубокое понимание предполагает большую отдачу, но и большую цену интерпретации [11, с. 25–27].

Интерпретация “Максим” как связного текста является непростой задачей. С одной стороны, содержание каждого отдельного изречения максимально понятно, что обуславливается использованием простого синтаксиса и простой лексики, лаконичностью большинства максим (от семи слов, как, например, в максиме 330: “On pardonne tant que l’on aime”, “Пока мы любим — мы прощаем”; кроме того, лишь 40 из 504 изречений в сборнике состоят из более чем одного предложения).

Но, с другой стороны, максимы изолированы друг от друга как формально (каждую новую максиму предваряет ее номер), так и по смыслу: Пьер Лартома отмечает, что максима как жанр существует, чтобы выражать общую истину вне всякого контекста [12, с. 225], что делает ее доступной для понимания любого читателя вне зависимости от объема его фоновых знаний. Универсальность смысла в максиме сочетается со сжатостью формулировки — своеобразный парадокс, в котором заключается литературная и деонтологическая ценность максимы (так, Пьер Кампьян пишет, что “поэтика этой краткой формы полагается на эллипсис и концентрацию [смысла]” [2, с. 15]). Каждая максима самодостаточна и независима и (сама по себе или в сборнике рядом с другими изречениями) не меняет своей значимости, поскольку остается изолированной от контекста, “одинокой, краткой, зажатой меж двумя безмолвиями” [13, с. 26], как охарактеризовал ее Ролан Барт. Точно так же Пьер Лартома сравнивает максимы с архипелагами [12, с. 229], ссылаясь на метафору, использованную Сартром: “фраза Постороннего — это остров” [14, с. 109].

При чтении первых нескольких максим сборника может показаться, что связь между соседними высказываниями существует. Так, первая максима развивает тему, обозначенную в эпиграфе:

Nos vertus ne sont, le plus souvent, que des vices déguisés. (Наши добродетели — чаще всего не более чем переряженные пороки.)

Ce que nous prenons pour des vertus n'est souvent qu'un assemblage de diverses actions et de divers intérêts <...> (То, что мы принимаем за добродетели, — часто не более чем сочетание различных действий и интересов <...>.)

Но далее тематика меняется: максимы со второй по седьмую посвящены “*amour-propre*” (себялюбию), а с пятой по двенадцатую — “*passions*” (страстям). В этих максимах можно наблюдать эквивалентность (точнее, повтор) лексических элементов, и они могут быть прочитаны как относительно связные тексты (например, размышление о свойствах данных понятий). Однако далее связь между изречениями становится менее очевидной и вовсе теряется: максима 13 снова посвящена себялюбию, а максимы с 14 по 26 посвящены критике “стоических” добродетелей [2, с. 26] (максима 14 относится к “длинным”, состоящим из более чем одного предложения максимам и затрагивает целый ряд тем; далее следуют две максимы про “*clémence*” (милосердие), две про “*modération*” (умеренность), а следующие восемь максим объединены темой противостояния смерти и невзгодам, представленным, однако, разными лексемами — “*maux*” (беды), “*infortunes*” (несчастья), “*mauvaise fortune*” (неудача)).

Группы сходных по тематике максим будут встречаться и дальше (102 и 103 в схожих выражениях проводят параллели между “*esprit*” (ум) и “*cœur*” (сердце), аналогична ситуация с “*âme*” (душой) и “*corps*” (телом) в максимах 193 и 194; максимы 202, 203, 205, 206 посвящены “*honnêteté*” (благородство), и т.д.). Можно выделить и более крупные тематические группы.

Таким образом, при данном порядке следования максим связный текст можно получить лишь из отдельных групп соседних максим, но не из сборника в целом.

Известно, что при публикации “Максим” делались попытки структурировать текст сборника иначе, чем это сделал автор: уже современник Ларошфуко публицист де ла Уссе перевыпустил сборник максим, “выстроенных в новом порядке” [15]. В этой книге де ла Уссе попытался сгруппировать максимы тематически, но, по нашему мнению, не преуспел. Например: максима 98 (“*Chacun dit du bien de son cœur, et personne n'en ose dire de son esprit*”, “Каждый хорошо отзывается о своем сердце, но никто не осмеливается говорить то же о своем уме”) фигурирует в разделе “*cœur*” (сердце), но не в разделе “*esprit*” (ум). В разделе “*haine*” (ненависть) есть только одна максима, хотя ей

посвящены 7 максим. “*Jugement*” (ясность суждений) в сборнике встречается 4 раза, но у де ла Уссе такого раздела нет вообще, и т.п. Причина неудачи данного замысла понятна: большинство максим принадлежат к двум или более семантическим полям, и для их классификации пришлось бы либо ограничиться выделением лишь одной темы в каждой максиме, что и сделал де ла Уссе, либо согласиться на многочисленные повторы и/или отсылки на уже приведенные максимы.

Таким образом, получается, что “хаотичная” структура сборника частично навязана автору самим содержанием максим. Впрочем, Клеманс Камон полагает, что подобная структурная организация — благо для сборника и результат сознательной попытки автора внести в книгу некое разнообразие и разбавить монотонный ритм часто похожих друг на друга максим ([16], сравните с приведенными выше цитатами из [10]). Пьер Кампьян же считает, что подобный порядок продиктован практическими соображениями: каждое новое прижизненное издание сборника содержало большее количество максим, и, за исключением отдельных, хотя порой и весьма значительных изменений в уже написанном корпусе текста, увеличение объема происходило за счет добавления изречений: “Максимы, добавленные во второе издание, начинаются с М 289, максимы третьего издания с М 302, четвертого с М 341, пятого с М 413” [2, с. 26]. То есть, по мнению Кампьяна, нынешний порядок следования максим сложился в ходе редактур сборника, и автор не посчитал нужным его изменять, чтобы иметь возможность ориентироваться в тексте.

Казалось бы, совокупность всех факторов — цитируя Пьера Кампьяна, “отсутствие глав, сквозной логики, развития” [2, с. 24] — делает максиму изолированным текстом внутри сборника, не зависимым от контекста высказывания. Однако наравне с этой точкой зрения существует и другая: многие исследователи говорят о существовании “системы” и “структуры” текста “Максим”. Например, в “*Le dictionnaire du littéraire*” (“Литературном словаре”) говорится, что “собрание [максим] в сборник намекает на систему взглядов, которую читателю надо реконструировать” [17, с. 374]. По мнению Жана Виня, автора этой словарной статьи, наличие авторской системы мысли отличает максиму от всех прочих сжатых форм высказывания. Исследователи предполагают нелинейную связь высказываний и предлагают читателю самостоятельно восстановить или, возможно, установить эту связь (“[Список максим предложен] читателю,

желающему построить свою собственную интерпретацию и размышление о человеке” [2, с. 24]). Так, процитированный выше Пьер Кампбон выдвигает аргументы не только за, но и против идеи несвязности текста сборника: “[Максимы] все поддерживают друг друга как логикой, так и блеском, просто в силу их близости, как рядом, так и на отдалении” [2, с. 24] (т.е. максимы образуют некое единство уже в силу своей смежности).

Основную концепцию и идею сборника формулирует издатель первого издания в предисловии читателю: “Вот портрет человеческого сердца, который я представляю публике” [18, с. 260]. В самом деле, “Максимы” дают “краткое изложение учения о нравственности” [19, с. 22], впрочем, в специфической интерпретации Ларошфуко, часто противоречащей общепринятым представлениям (“провокация <...> идет наперерез мнению читателя, направляясь в сторону, противоположную обычному ходу его мысли” [2, с. 51]). “Максимы” также объединяет общность тона (творчество Ларошфуко, подобно творчеству Паскаля, проникнуто глубоким пессимизмом — отрицание добродетелей, торжество пороков, — однако пессимизм это светский [16]). Мы также можем предположить наличие этической установки автора, которая обеспечивает единообразие логических и семантических связей внутри сборника (прийти к констатации наличия подобной установки можно только индуктивно, в ходе постепенного анализа).

Таким образом, мы можем констатировать, что анализ “Максим” как связного текста возможен, но он потребует затрат большого количества труда и времени, поскольку, анализируя максиму за максимой, мы будем лишь получать некоторое количество ни к чему не применимой информации по каждому отдельному изречению. Только собрав таким образом материал по всему сборнику, мы сможем окинуть его взором целиком, сделать соответствующие выводы и найти связи, которые было бы невозможно выявить при других методах анализа.

Проведение параллелей между максимами возможно главным образом за счет выделения повторяющихся в высказываниях лексических единиц — ключевых слов. В “Максимах” используется 848 различных словоформ, среди которых можно выделить гораздо более узкий круг семантически наполненных ключевых слов — “mots-vedettes”, как назвал их Барт: “полные субстанции”, “изолированные термины”, “сильные обороты (субстанции, эссенции), [которые] выделяются на фоне <...> слабых оборотов (служебных

слов, связующих слов)” [3, с. 71–72]. Другими словами, “mots-vedettes” — это слова, релевантные для каждого конкретного текста, смысловой центр высказывания, очень часто существительные, означаемым которых являются абстрактные понятия (например, добродетель, счастье, ложь): человеческие качества, эмоции и реакции, а также их носители (женщины, старики и т.д.).

Создание окончательной и объективной классификации ключевых слов сборника невозможно в силу того, что список будет изменяться в зависимости от выбранных критериев отбора и группировки (например, решение объединения однокоренных слов, таких как “aimer”, “amour”, “amant” (любить, любовь, возлюбленный), в одну группу является, с нашей точки зрения, достаточно очевидным, тогда как решение объединять или не объединять семантически близкие, но лексически неродственные слова — например, “mémorie”, “souvenir”, “oublier” (память, воспоминание, забывать) — может быть принято или не принято интерпретатором). Данные критерии, в свою очередь, зависят от того, какой глубины понимания читатель стремится добиться и сколько усилий он готов для этого приложить.

Стоит при этом отметить, что некоторые ключевые слова повторяются достаточно часто и переплетены с другими понятиями достаточно тесно, чтобы факт необходимости их выделения не вызывал сомнений. Так, например, “esprit” (ум) употребляется в тексте сборника 49 раз, при этом 45 из них в качестве “сильного” слова, тогда как в ряде случаев данное слово используется в качестве синонима “les yeux” (глаза) или “la perception” (восприятие); не являясь смысловым центром максимы, оно может не быть выделено в качестве “mot-vedette” в рамках данного высказывания. Сравним, например, максимы 102 и 184:

L'esprit est toujours la dupe du cœur. (Ум всегда на поводу у сердца.)

Nous avouons nos défauts pour réparer par notre sincérité le tort qu'ils nous font dans l'esprit des autres. (Мы признаемся в своих недостатках, чтобы своей искренностью возместить ущерб, который они нам наносят в глазах окружающих.)

Однако существует также множество слов, которые, являясь центром интереса отдельных максим, встречаются слишком редко для того, чтобы занимать важное место в “системе взглядов” Ларошфуко (например, “clémence” (милосердие) и “sévérité” (строгость) встречаются в сборнике только по два раза). В конечном итоге длина списка определяется только желанием интерпретатора

продолжать интерпретацию и поиски связности в сборнике.

Во время анализа результатов, полученных при нелинейном анализе сборника, важно обратить внимание, во-первых, на то, как в различных максимах характеризуются отдельные понятия. Мысль, начатая в одной максиме, может быть продублирована, продолжена или углублена в другой. Например, идея, выраженная в максиме 349, полностью повторяется в более развернутой максиме 376:

Le plus grand miracle de l'amour, c'est de guérir de la coquetterie. (Величайшее чудо любви в том, что она излечивает от кокетства.)

L'envie est détruite par la véritable amitié, et la coquetterie par le véritable amour. (Зависть уничтожается настоящей дружбой, а кокетство — настоящей любовью.)

При сравнении максим 127 и 394 можно заметить, что первая максима описывает следствие описанного во второй максиме заблуждения:

Le vrai moyen d'être trompé, c'est de se croire plus fin que les autres. (Наивернейший способ быть обманутым — это считать себя хитрее других.)

On peut être plus fin qu'un autre, mais non pas plus fin que tous les autres. (Можно быть хитрее другого [человека], но не хитрее всех остальных.)

Максима 492 в более развернутом виде объясняет парадокс (противопоставление семантически близких понятий), описанный в более лаконичной максиме 167:

L'avarice est plus opposée à l'économie que la libéralité. (Скупость — большая противоположность бережливости, чем щедрость.)

L'avarice produit souvent des effets contraires; il y a un nombre infini de gens qui sacrifient tout leur bien à des espérances douteuses et éloignées, d'autres méprisent de grands avantages à venir pour de petits intérêts présents. (Скупость часто приводит к противоположным последствиям; бесконечное количество людей жертвуют всем своим состоянием ради сомнительных и далеких надежд, а другие пренебрегают большими возможностями в будущем ради мелочной выгоды в настоящем.)

Во-вторых, особого внимания заслуживают связи, которые устанавливаются между различными “mots-vedettes” внутри каждой отдельной максимы. Как можно заметить, в большинстве максим фигурирует больше одного ключевого слова, и зачастую они характеризуются друг через друга, в ходе своего взаимодействия образуя сложную и запутанную систему взаимоотношений.

Внутри этой системы “mots-vedettes” практически никогда не замкнуты друг на друге (так,

например, встречающийся только в 4 максимах “sens” (здравый смысл) взаимодействует с примерно 4—8 — в зависимости от критериев подсчета — ни разу не повторяющимися ключевыми словами). Однако целый ряд понятий сталкивается и сравнивается в максимах на постоянной основе. Так, например, тесно связаны между собой “esprit” (ум, разум), “cœur” (сердце), “corps” (тело) и “âme” (душа): “esprit” и “cœur” встречаются вместе в 7 высказываниях (то есть в половине всех максим, в которых присутствует “cœur”), “corps” и “âme” в 3 и “esprit” и “corps” в 5. Взаимосвязи между данными понятиями систематичны. Например, “cœur” и “esprit” однозначно противопоставлены друг другу в максимах 43, 98 (см. выше), 102 (см. выше), 103, 108:

L'homme croit souvent se conduire lorsqu'il est conduit; et pendant que par son esprit il tend à un but, son cœur l'entraîne insensiblement à un autre. (Человеку часто кажется, что он владеет собой, когда он движим чем-то другим; тогда как умом он тянется к одной цели, сердце незаметно увлекает его к другой.)

Tous ceux qui connaissent leur esprit ne connaissent pas leur cœur. (Все, кто знают свой ум, не знают свое сердце.)

L'esprit ne saurait jouer longtemps le personnage du cœur. (Ум не смог бы долго притворяться сердцем.)

Противопоставление идет по двум параметрам: доминирования (“cœur” сильнее, и человек, даже сам того не желая и не ведая, будет идти за “cœur”, а не за “esprit”: 43, 102) и познаваемости (можно отдать себе отчет в своих мыслях и умственных качествах, 103, но не в сердечной жизни — поэтому все будут хорошо отзываться о своем “cœur”, но не “esprit”, 98); по этому же принципу “esprit” противопоставлено “âme” в максиме 80:

<...> il est difficile de connaître les qualités de l'âme, et facile de connaître celles de l'esprit. (<...> сложно узнать качества души, и просто — качества ума.)

Таким образом, несмотря на отсутствие в тексте “Максим” формальной когезии между большинством соседних высказываний, нелинейный анализ сборника позволяет начать реконструировать “систему взглядов” писателя. Представленный выше подход и приведенные примеры анализа использований ключевых слов демонстрируют, как и на каких основаниях “Максимы” можно анализировать как единое, когерентное текстовое пространство. Желая объять “Максимы” во всей их полноте, дотошный читатель может бесконечно продолжать сравнивать группы высказываний между собой, постигая сборник как единое целое, находя все новые логические и семантические связи между удаленными высказываниями.

Понимание “Максим” как связного текста можно углубить еще сильнее, обратившись к более ранним изданиям сборника, чтобы проанализировать, каким образом текст менялся от издания к изданию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Peignot G.* Manuel du bibliophile, ou Traité du choix des livres. Dijon, Chez Victor Lagier, Libraire, 1823. 480 p.
2. *Campion P.* Lectures de La Rochefoucauld. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 1998. 159 p.
3. *Barthes R.* La Rochefoucauld: “Réflexions ou Sentences et Maximes”. Barthes R. Nouveaux essais critiques. Paris: Seuil, 1972. P. 70–88.
4. *Pommier R.* Etudes sur les Maximes de La Rochefoucauld. Saint-Pierre-du-Mont: Eurédit, 2000. 138 p.
5. *Halliday M.A.K., Hasan R.* Cohesion in English. London: Longman, 1976. XV, 374 p.
6. *Jaubert A.* Les ordres du discours en perspective. Cohérence et pertinence // Cohérence et discours. Presse de l'Université Paris-Sorbonne, Paris, 2006. P. 15–21.
7. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983. XII, 288 p.
8. *Nuttall Ch.* Teaching Reading Skills in a Foreign Language (Practical Language Teaching Series 9). London: Heinemann Educational Books, 1982. XI, 233 p.
9. *Widdowson H.G.* Teaching Language as Communication. Oxford: Oxford University Press, 1978. 168 p.
10. *Charolles M.* Introduction au problème de la cohérence des textes. Langue Française. 1978. № 38. P. 7–41.
11. *Eikmeyer H.-J.* On Michelle Charolle’s “Coherence as a Principle in the Regulation of Discursive Production”. Connexity and Coherence. Analysis of Text and Discourse. Berlin, New York, 1989. P. 16–27.
12. *Larthomas P.* Notions de stylistique générale. Paris: Presse Universitaire de France, 1999. 280 p.
13. *La Rochefoucauld F. de.* Réflexions, ou Sentences et Maximes morales. Paris: Garnier Frères, 1961. VIII, 218 p.
14. *Sartre J.-P.* Critiques littéraires. Paris: Gallimard, 1975.
15. *La Rochefoucauld F. de.* Reflexions, sentences et maximes morales. Mises en nouvel ordre, avec des notes politiques et historiques par Amelot de la Houssaye. Paris, Etienne Ganeau, 1714.
16. *Camon C.* La Rochefoucauld. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alalettre.com/la-rochefoucauld-oeuvres-maximes.php> (дата обращения: 13.08.2015).
17. *Vignes J.* Maxime. Le dictionnaire du littéraire. Paris: Presses Universitaires de France, 2002. P. 373–374.
18. *La Rochefoucauld F. de.* Réflexions ou Sentences et Maximes morales suivi de Réflexions diverses et des Maximes de Madame de Sablé, édition de Jean Lafond. Folio classique, Paris: Gallimard, 1976. 314 p.
19. *Ларошфуко Ф. де.* Максимумы. СПб.: Анимас, 2007. 320 с. [La Rochefoucauld F. de. *Maksimi* [Maxims]. St. Petersburg, Anima Publ., 2007. 320 p. (In Russ.)].

Дата поступления материала в редакцию: 19 июня 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 июля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2023 г.

Дата публикации: 31 декабря 2023 г.

Received by Editor on June 2, 2023

Revised on July 12, 2023

Accepted on October 15, 2023

Date of publication: December 31, 2023